

**Доклад литератора, кандидата философских наук,
социолога и юриста
Евгения Абдуллаева
Русская литература на постсоветском пространстве
(институты, авторы, тексты)
к III Чтениям гуманитарного семинара**

1. Определение. Русская литература на постсоветском пространстве — совокупность текстов, персоналий, сетей и институтов, определяющими для которых является лингвистический (писание, общение и публикация на русском языке), территориальный (постсоветские государства — кроме России) и хронологический (после 1991 г.) маркеры. Лингвистически она отличается от современных литератур на национальных языках в постсоветских республиках (латышской, узбекской, украинской и т.д.); территориально — с одной стороны, от современной российской литературы, а с другой — от русской литературы эмиграции (США, Израиля, Германии и т.д.); хронологически — от русской литературы, развивавшейся в этих государствах до 1991 г. (до политической независимости этих государств и потери русским языком своего статуса).

2. Предыстория. Русская литература «союзных республик» фактически не обладала выраженной спецификой, составляя, вместе с нестоличной российской литературой, «литературную провинцию». Особенностью бытования русской литературы в республиках была ее большая зависимость от «национальной политики», от величины русскочитающей аудитории. Идентичность русских литераторов была обычно наднациональной (напр., Д.Самойлов, долгие годы живший в Эстонии, не считался эстонским поэтом). Как правило, ни национальная литература не пыталась «присвоить» себе русскопишущего автора, ни сам автор не стремился обрести местно-национальную идентичность. Ситуация стала меняться в 1980-е по мере вхождения в литературное поле авторов «автохтонов», пишущих на русском языке (начало сказываться постепенное обрусение местных элит, не везде однако равномерного). После распада Союза, сопровождавшегося вытеснением русского языка и отменой либо трансформацией прежней системы организации ли-

тературного процесса (литературные журналы и т.д.), местная русская литература оказалась в состоянии «свободного плавания». В ряде случаев (например, в Туркменистане, Таджикистане, частично — республиках Закавказья) произошло вымывание русской литературы; в других случаях (в Украине, отчасти Узбекистане, Белоруссии и т.д.) — напротив, наблюдалось появление заметных авторов и литературных проектов (литературных групп, фестивалей, журналов/альманахов)

Контекст. Контекст бытования русской литературы на постсоветском пространстве определяется целым рядом факторов: политических (степень свободы слова/печати; включенность литературы и отдельных литераторов в политический процесс; в некоторых случаях — отношения с Россией), экономических (состояние книжного рынка; наличие некоммерческого финансирования: меценаты, фонды и т.д.), собственно литературных. Важным является отношения постсоветских литератур с четырьмя потенциальными читательскими аудиториями: (1) местной русскочитающей аудиторией, (2) русскими читателями (прежде всего, в России, но также и в других русских диаспорах), (3) местной нерусскочитающей аудиторией и (4) зарубежной («западной») аудиторией (в 3-м и 4-м случаях — через переводы).

Институты. Хотя основным «продуктом» литературы является именно художественный текст, однако в ситуации, с одной стороны, распада советской институциональной базы литературного процесса в бывших республиках и сужения русскочитающего пространства, а с другой, — вызовов глобализации и интернационализации культурного процесса, вопросы институционального развития вышли на передний план. Параллельно с прежними, «советскими», институтами — союзами писателей, «толстыми» журналами, лито и т.д. — возникают новые литературные группы,

фестивали, журналы/альманахи/сайты и т.д.

1.1. Группы и объединения. Наиболее заметными являются фонд «Мусагет» (Казахстан, с 1998), текст-группа «Орбита» (Латвия), объединение «Ташкентская школа» (Узбекистан, с 1999 г.). Например, выпускниками мастер-классов «Мусагета» были достаточно известные сегодня поэт Ербол Жумагулов и прозаик Михаил Земсков.

1.2. Издания. В целом, сохранились и продолжают издаваться прежние «толстые» республиканские журналы, например, «Радуга» (Украина), «Звезда Востока» (Ташкент), «Простор» (Казахстан) и др. Среди новых изданий можно отметить журналы «ШО» (Киев) и «Союз писателей» (Харьков) в Украине, альманах «Аполлинарий» (с 1993 г.) и журнал «Книголюб» в Казахстане, альманах «Малый шелковый путь» (1999–2007) и антологию «Анор» (2008) в Узбекистане, сайт русской литературы Эстонии «Воздушный змей» (www.tvz.org.ee/index.php) и др. Определенную активность в плане представления и освещения постсоветской русской литературы стали в 2000-е проявлять московские издания. Ряд московских «толстых» журналов предоставляют свои номера для наиболее интересных постсоветских авторов и объединений. Кроме «Дружбы народов» (magazines.russ.ru/druzhba/), специализирующейся на литературе бывших республик, стоит отметить публикации переводов из современной грузинской и украинской поэзии в журнале «Октябрь», публикации переводов грузинской и азербайджанской поэзии в журнале «Арион», рецензии на издания стран СНГ в журнале «Знамя», а также электронный журнал «Интерпоэзия» (Нью-Йорк–Москва) (magazines.russ.ru/interpoezia/). Заметным событием стал выход антологии «Освобожденный Улисс» (М.: Новое литературное обозрение, 2004), а также начала издания этим же издательством серии «Поэзия русской диаспоры», в которой вышли сборники и ряда постсоветских поэтов – Ш. Абдуллаева, Д. Лазуткина, С. Морейно, А. Полякова и др. Кроме того, информация об авторах и изданиях стран постсоветского пространства содержится в словаре-справочника Сергея Чупринина «Русская литература сегодня: Зарубежье» (М.: Время, 2008), «Аннотированный каталог писателей и переводчиков стран СНГ и Балтии» (Ереван: Антарес, 2009) и на сайте «Новая литературная карта России» (www.litkarta.ru/world/)

1.1. Творческие встречи/создание сетей. Относительно новой формой творческих встреч стало фестивальное движение. Наиболее важную роль в развитии фестивального движения сыграл Московский международный фести-

валь «Биеннале поэтов» (с 1999 г., проводился 6 раз www.poetrubiennale.ru/), ставший своеобразным «смотром» постсоветской литературы 2000-х. Среди остальных фестивалей можно отметить Ташкентский открытый фестиваль (с 2001 г., проводился 6 раз), крымский «Волошинский фестиваль» (с 2003 г., 7 раз), «Киевские лавры» (с 2006 г., 4 раза), (минский фестиваль «Порядок слов» (с 2006 г., 3 раза), русско-грузинский фестиваль «В поисках золотого руна» (с 2008 г., прошел 2 раза). Кроме фестивалей, проводятся и другие встречи – ежегодный форум молодых писателей России в Липках (с 2000 г., проводился 9 раз), на котором обычно участвуют и молодые авторы из постсоветских республик; встречи писателей и редакторов (с 2006 г.), проводимые журналом «Дружба народов», а также Форум переводчиков, писателей и издателей стран СНГ и Балтии (с 2008 г.)

1.1. Премияльные институты. Основные премияльные институты для поощрения русских авторов «ближнего зарубежья» находятся, за небольшим исключением (напр., премия «Киевские лавры»), в России. Это, прежде всего, «Русская премия» (с 2005 г.; www.russpremia.ru/); периодически постсоветские русские авторы становились лауреатами премии им. А. Белого, журнальных премий «Дружбы народов», «Знамя» и др.

Авторы и тексты. Постсоветская русская литература 1990–2000-х дала целое созвездие ярких имен – прозаики Инна Лесовая, М. и С. Дяченко, поэты Борис Херсонский, Александр Кабанов, Наталья Хаткина (Украина), поэты Шамшад Абдуллаев, Санджар Яньшев, Вадим Муратханов (Узбекистан), прозаики Талип Ибраимов и Алекс Торк (Кыргызстан) и др. Можно заметить значительный разброс жанров – при том, что, отчасти под влиянием культурной ассимиляции в постсоветском «национализирующемся» ландшафте, эта литература гораздо больше чувствительна к местным реалиям, чем это было до распада Союза. Стилистика авторов также может значительно различаться: например, Николая Гуданца – и Сергея Тимофеева (Латвия), Александра Кабанова – и Анастасии Афанасьевой (Украина) и т.д. Среди очевидных проблем современной постсоветской литературы можно назвать постепенное сокращение русскочитающей аудитории, а также отсутствие институциональной поддержки на местном (национальном) уровне. В результате заметно сокращение числа молодых имен среди литераторов, что в долгосрочной перспективе может означать угасание русской литературы, ее ре-провинциализацию и диаспоризацию.

Выступление Евгения Абдуллаева на III Чтениях гуманитарного семинара 20 февраля 2010 г.

Большое спасибо всем организаторам и, прежде всего, конечно, Сергею Мазуру. Естественно, это не просто такая ритуальная фраза — благодарность за возможность быть здесь, за возможность встретиться с людьми, коллегами, с авторами, с читателями. Совершенно фантастическая ситуация, никогда не думал, что окажусь в Риге в этом качестве. Я здесь не первый раз... Но первый был в позапрошлой жизни, в 1987 году, я был гораздо моложе. И Ригу осваивал не в литературном, а в другом качестве: ходил с этюдником и рисовал. У меня до сих пор сохранились эти этюды. Художником не стал. Становлюсь литератором. Почему я говорю «становлюсь», потому что я не знаю словосочетания «готовый поэт», «сформировавшийся поэт» или «сформировавшийся прозаик», в этом есть что-то страшноватое. Вспоминаю наш разговор с главным редактором журнала «Знамя» Сергеем Ивановичем Чуприниным в Алма-Ате. Он говорил: «Сегодня утром ко мне пришел человек...» И смотрит визитки, на визитке написано — такой-то, а внизу: «поэт». Я говорю, что на визитках такое писать, ну... просто не нужно. Сергей Иванович говорит, а как же Кушнеру, что же ему на визитке писать? Я говорю, а Кушнеру — ему тем более не нужно писать, его и так все знают...

Кроме ритуального введения, мне бы хотелось сделать терминологическое введение, чтобы ввести какие-то слова, которые буду произносить — слова не страшные, не научнообразные, слова, довольно часто встречающиеся, но от этой частой встречаемости не всегда адекватно понимаемые. Прежде всего, я буду говорить в отношении использования, восприятия литературы как «текста». Это понятие спорное. Например, замечательный критик Андрей Юрьевич Арьев считает, что это недопустимо, называть стихотворение и прозаическое произведение текстом. Я считаю, что оно допустимо, потому что оно безоценочно. Конечно, когда школьница в «голубом глазу» говорит: «А в третьем классе мы изучаем тексты Пушкина...» — да, это понятно, что у Пушкина не тексты, а стихотворения. Но в остальных случаях я считаю, что понятие «текст» вполне употребимо, поскольку оно снимает оценочный момент. Особенно

учитывая современную поэзию, где мы видим как сохранение классических силлабо-тонических традиций, так и верлибр... Чтобы снять этот оценочный момент, я буду говорить — текст.

Вторая терминологическая конвенция и соглашение, которое я с вами заключаю, оно касается понятия русской литературы на постсоветском пространстве. Я сам недоволен таким длинноватым термином, но вот ничего лучшего я не придумал. Когда я буду говорить «русская литература на постсоветском пространстве» — это будет касаться русской литературы за пределами России и, с другой стороны, не литературы эмиграции. Хотя, например, если бы здесь был поэт из Израиля Александр Бараш, он бы тут же начал полемизировать. Ну не тут же, он человек интеллигентный, он бы сначала меня выслушал... Он как раз лет 10 назад выступил с концепцией «международной русской литературы», согласно которой приращение русской литературы будет осуществляться так называемой русской литературой в диаспорах, куда входит достаточно большая диаспора русских прозаиков, поэтов Израиля, Соединенных Штатов, отчасти Германии, совсем немножко может быть Франции. В основном это США, Израиль и частично Германия.

Тем не менее, я предполагаю, что у русской литературы, о которой я буду говорить, есть своя специфика. Это, грубо говоря, русская литература прежних «окраин». Почему? Прежде всего, это литература не эмигрантов. Все-таки психология и взгляд на мир эмигранта так или иначе откладывают отпечаток на творчество писателей или поэтов. То есть он уже попадает в некое предшествующее ему «готовое» иное языковое окружение. И соответственно здесь две стратегии, либо он полностью вливается в это окружение, начинает писать на языке этого окружения, что опять-таки неплохо. Мы помним Набокова, например. (*Подсказывают с места — Василия Аксенова*). В. Аксенов менее сильный пример, потому что все же он не стал англоязычным писателем. Можно назвать русского немецкоязычного писателя, Владимир Каминер, эмигрировавший в Германию человек, который пишет на немецком. Страшно популярен сейчас в Германии. Он пишет на не

совсем правильном немецком. Но в этом есть какой-то шарм, его печатают и публикуют.

Итак, либо первый путь, то есть влиться туда в этот давно уже сформировавшийся контекст, либо второй путь — более распространенный и более понятный психологически, физиологически, потому что язык это не просто средство коммуникации, это нечто гораздо большее. Кстати, И. Бродский это пытался отрефлексировать. Если человек думает, мыслит, страдает, например, на русском языке, то вполне естественно продолжает писать на этом языке, но в другом окружении. Это что касается литературы эмиграции.

А вот с литературой на постсоветском пространстве ситуация интереснее, поскольку люди никуда не эмигрировали. Они-то оставались там, как правило, где они родились, а контекст вокруг них — напротив... В случае литератора-эмигранта человек меняется, а контекст как был, так и остается, а здесь-то наоборот. Человек никуда не эмигрировал, он остался прежним, а контекст меняется. И в этом, на мой взгляд, специфика русской литературы постсоветского пространства, за исключением России, потому что в России, в общем-то, контекст тоже изменился, кто же спорит. Система прежняя полностью ушла, но языковой контекст остался относительно прежним. Да, конечно, русский язык меняется, какие-то процессы происходят. Если раньше никому в голову не могла прийти мысль, что какие-то нецензурные фразы попадут в поэтический текст, то сейчас никто за сердце не хватается, увидев нечто нецензурное в прозаическом или в поэтическом тексте. Но в целом языковой и культурный контекст, в принципе, не так сильно поменялся, как он поменялся на окраинах. Я не люблю слово «окраина», но давайте его использовать в бахтинском понимании, когда М. Бахтин говорил, что все интересное происходит на границах, на окраинах. Она имеет не только свою территориальную, но и свою хронологическую специфику. То, о чем я буду говорить — что возникло после 91-го года. Хотя остались и авторы, которые работали и публиковались до 91-го года. Например, случай с Узбекистаном — замечательный поэт Сабит Мадалиев, узбекский поэт, пишущий на русском языке.

Тем не менее я буду говорить о литературе после 91-го года хотя бы потому, что это такое для большинства республик «посмертное» существование русского языка, «жизнь

после смерти». Немножко трагически звучит, но это действительно новое качество русского языка. Он уже не первый среди равных, как он был до этого... Он как бы и официально как-то и особо не поддерживается, и, по идее, все должно постепенно затихнуть, затухнуть, замереть. И парадоксальным образом особенно с конца 90-х мы видим очень много новых ярких фигур, которые возникли на этом постсоветском пространстве. Новых авторов.

Откуда это возникло? Опять-таки этому можно дать социологическое объяснение: в 70-е годы Советская власть озаботилась распространением русского языка. В 60-е, в 70-е. В Узбекистане даже специальный съезд прошел, как сделать русский язык родным для нерусского населения. Русский начинали изучать с детского сада. Была такая массивная инвестиция в русский язык в 70-е и в начале 80-х годов, захватившая и мое поколение, и плюс чуть старше и плюс чуть позже, кто учился в школе. Причем это не обязательно русские. В случае Узбекистана — это узбеки, в случае Таджикистана — таджики и так далее, кто учился в школе в 70-е, в первой половине 80-х годов, и кто соответственно пришел в литературу. Приход этот как раз попал на конец 90-х — начало 2000-х годов. Поэтому понятно, почему такой всплеск, хотя ни одно социологическое объяснение не способно дать исчерпывающий ответ, да оно не должно давать исчерпывающий ответ, почему появился тот или иной яркий поэт. Но какую-то подсказку оно дать может.

Ну и, наконец, лингвистически чем отличается постсоветская литература, понятно. Русская литература отличается от литературы, написанной на языках тех бывших советских республик, а ныне уже давно суверенных государств. Вот такое терминологическое длительное вступление, и сейчас следующий вопрос.

Я уже на него частично ответил, почему 91-й год? Но что было до 91-го года? Насколько я могу судить, и тут я могу произнести известную фразу: «пусть старшие товарищи меня поправят», потому что в силу своего возраста не могу настолько хорошо знать всю алхимию и пиротехнику прежней организации литературного процесса... Но насколько я могу судить, русская литература в республиках фактически по статусу своему приравнивалась к литературе провинции. Была литература русской провинции, автор, который писал в Свердловске или Новосибирске и автор, писавший в Ташкенте, русский автор (я буду говорить о русских

авторах), или в Тбилиси, или в Риге — это были авторы приблизительно одного статуса. Поскольку существовали две литературные столицы, Москва и Ленинград, а все остальное была русская литература провинции. Единственно, что, конечно, была своя особенность бытования в том, что, с одной стороны, русскочитающая аудитория была значительно меньше, это первое, во-вторых, все это зависело от того, какова была на дворе национальная политика. В некоторых случаях русская литература более поддерживалась в одних республиках, в других она менее поддерживалась в зависимости от колебаний линии партии. И как только автор что-то серьезное представлял, он постепенно перебирался в одну из литературных столиц. Например, так из Ташкента уехала Дина Рубина, которая начинала как литератор в Ташкенте, хотя первая публикация ее была в журнале «Юность». Потом она уехала в Москву, эмигрировала потом уже из Москвы. Это довольно характерный путь для многих авторов, хотя многие продолжали жить в республиках. Тот же самый Давид Самойлов, который жил в Эстонии. Таких примеров в Латвии я не знаю... как относятся к Н. Задорнову? Вот жил человек, жил в республике, публиковался, имя было на слуху. Что интересно, что русский автор воспринимался как автор над-национальный. Случай Чингиза Айтматова — это некоторое исключение. Все-таки Айтматов публиковался как национальный автор, писал на киргизском языке, только постепенно, со временем он перешел на русский... Никто же не назовет Давида Самойлова эстонским поэтом, и никто его так не называл, может быть, только какие-нибудь отчаянные головы до такого додумались.

Что начало происходить, на мой взгляд, еще в 80-х годах? Прежде всего, появилось поколение авторов, представителей титульной нации, автохтонных народов, которые начали писать на русском языке. Например, в Узбекистане несколько авторов, например, поэт Шамшад Абдуллаев, или же Хамид Измайлов. Сабита Мудалиева я уже назвал. Это узбекские авторы, которые, тем не менее, писали и публиковались на русском языке. Хотя, когда мы сейчас говорим о русских авторах на постсоветском пространстве, вопрос пятой графы это самый последний вопрос. Понятно, что это неважно, кто у тебя были мама и папа, важно, как человек пишет. Но, тем не менее, сам вектор интересен.

После распада, понятно, стало происходить вытеснение русского языка и изменение всего литературного процесса. Пос-

тепно либо исчезали, либо трансформировались прежние литературные объединения, Союзы писателей, литературные журналы... Местная русская литература оказалась в состоянии свободного плавания.

Мне бы тоже хотелось сейчас сделать еще одну оговорку: снять возможный вопрос о «судьбах русской культуры». Вопрос важный и очень сложный, но мне бы не хотелось об этом говорить, это другая тема. Меня сейчас интересует то, что происходило с русской литературой не потому, что она оказалась в каких-то трагических условиях. Условия мы все прочувствовали и как-то пережили, но как стало складываться это посмертное существование, эта «жизнь после смерти», которая во многом... в чем-то не хуже оказалась и предыдущей? Во-первых, огромное количество лишних людей отсеялось, отпало в литературе, которые прежде занимались литературой, потому что это было престижно, потому что это было на дотации государства. Было огромное количество околотитулярных чиновников, помните термин — «секретарская проза»... Нет, я не прыгаю от радости, я не хлопаю в ладоши: ах, как хорошо, как замечательно все очистилось — это десятки искорененных судеб, все не так просто. Да еще ведь литература не только очистилась от балласта, она, к сожалению, «очистилась» от многих талантливых людей. Я обычно говорю — «смыло девяностыми». Пример Исмаилова. Он написал в 90-е годы роман «Железная дорога», на мой взгляд, очень интересный роман и лучшее, что он писал после этого. Сейчас Исмаилов публикуется и в «Дружбе народов», и в «Знамени», и в «Новом мире»... А тогда опубликовал, но вещь прошла незамеченной. Это действительно беда. Что происходило с Союзом писателей — там своя история. В Белоруссии — там сейчас два Союза писателей. Один такой сервильный, судя по рассказам моих белорусских коллег, а второй либеральный. Та же самая ситуация двух Союзов писателей, дуалистическая модель двух Союзов писателей и в России. Я понимаю, все это завязано на судьбы, на интересы, на бытование русского языка. Например, в Узбекистане. Хорошо, что есть Союз писателей, в котором есть русская секция... Но с точки зрения того, что там происходит, это никак... Ни тепло, ни холодно. Остались прежние толстые журналы, где-то они исчезли, например, здесь, в Латвии, «Даугава». В Узбекистане журнал «Звезда Востока» то исчезал, то снова возрождался, сейчас, кажется, окончательно исчез. Что интересно, предыдущий главный редактор был утвержден на уровне аппарата Президен-

та, но при этом совершенно без финансирования. Живите за счет подписки. За счет подписки, естественно, никто жить не может. Понятно, главного редактора можно было чаще видеть в Российском посольстве, в Росзарубежцентре и в других организациях, где он искал деньги для журнала. Ну, это все частности.

В ряде случаев, например, в Туркменистане, Таджикистане, частично в республиках Закавказья произошло просто вымывание русской литературы, не осталось там русских читателей. Я не исключаю пример Эмили Дикинсон, то есть человек пишет, пишет, его никто не читает, он ничего не публикует. Пишет, а потом через несколько лет после смерти находят рукописи и говорят: вот, был писатель. Но в целом для писателя должен быть читатель, хотя бы один, два, три. «Нас мало, нас может быть трое», как писал Б. Пастернак. Например, в Таджикистане вообще вымыло почти всю интеллигенцию печальными событиями. Журнал «Памир» по-моему, скорее жив, чем мертв. Но в том качестве, в котором он жив... Русские писатели там есть, я видел их. Они есть, эмпирически присутствуют. Они сказали: у нас праздновался юбилей какого-то местного исторического деятеля, мы написали в соавторстве роман. Я их от души поздравил, но других писателей я там не обнаружил. Приблизительно сходная ситуация в Туркменистане, и по-моему более печальная. В Закавказье есть, безусловно, авторы, но среды нет. Есть, например, в Грузии интересный поэт Инна Кулешова. Она и организовывала последний русско-грузинский фестиваль, интересный поэт. Это, скорее, как говорил Г. Шпет в своем «Очерке развития русской философии»: да, были философы, но не было философии. И наличие персоналий скорее подчеркивало, что самого феномена философии не было.

И еще... Когда я говорю об институтах, то это не означает, что только Союз писателей является институтом, это может быть философский семинар, гуманитарный семинар, на котором мы присутствуем. Это тоже институт, это не союз писателей, здесь нет пузатого дяди, изможденного литературными трудами, который сидит и «рулит». Я и вчера это говорил, и сегодня повторяю, самое важное это текст, я начинаю и заканчиваю текстом... Но для меня очень важно понять: а что вокруг него? Невозможно понять текст, не понимая контекст, включая в том числе и социальный. Это замечательно, когда поэт или прозаик имеет возможность просто писать. Написал, поставил точку — все, дальше это не его проблемы, дальше включа-

ется литагент, редактор толстого журнала, кто угодно, у писателя об этом не болит голова. Это идеальная ситуация. Но когда мы говорим о ситуации русской литературы на постсоветском пространстве, да в том числе и в России, там хотя в некоторых издательствах появились литагенты, но в целом, учитывая общемировую, общероссийскую тенденцию спада в книгоиздании, приходится быть в одном лице многим. И литагентом, и редактором, и критиком. Как говорил мой коллега из Грузии, грузинский поэт Шота Иатишвили, он говорил: мы писали стихи, писали, смотрим, нас никто не критикует, мы сами стали друг друга критиковать.

Конечно, желательно, чтобы был литературный критик, который мог бы оценить, не будучи сам поэтом или прозаиком, который мог бы со стороны дать оценку, дать развернутую рецензию, критическую статью. Я не знаю, как ситуация в Латвии, в других бывших советских республиках я встречал поэтов... они есть, больше поэтов, чем писателей. Больше всего уцелели поэты, ничем нас, разве что дихлофосом, не возьмешь... Выживают, продолжают люди нагло писать стихи, и неплохие стихи, что интересно. Тяжелее прозаикам. Прозаиков меньше. Я не имею в виду, кто детективы пишут, хотя там тоже что-то интересное встречается. Но я не имею в виду тех, кто пишет, чтобы зарабатывать, я говорю о тех, кто зарабатывает, чтобы писать. Прозаикам хуже. Если есть поэт, он может прочесть стихотворение, его послушают. Так вот представьте, прозаик вышел, читает роман... Не все пишут рассказы, многие пишут повести, романы, да и Лев Толстой, когда он читал вслух, по воспоминаниям своих современников, ему было самому тяжело читать. Мы помним, что «Зависть» Ю. Олеши вначале прочел вслух, и, тем не менее, все-таки представить себе сегодня вечер прозы по аналогии с вечером поэзии довольно сложно. А где «оставь надежду всяк сюда входящий», так это в критике. Критика как отдельный институт на постсоветском пространстве просто исчезла. Если мы встречаем сейчас критиков, то это либо поэт, либо прозаик. Приходится идти на такую вынужденную многостаночность, и он же сам литагент собственных произведений, потому что литагентов нет.

В некоторых республиках, как я уже говорил, произошло почти исчезновение литературы. В других напротив, например, в Украине, в Белоруссии, в Латвии наблюдается появление заметных авторов литературных проектов. Появляются новые литературные группы, возни-

кают фестивали, возникают журналы и альманахи. Ну, например, в Узбекистане параллельно со «Звездой Востока» с 2000 года по 2005 год издавался альманах «Малый шелковый путь», я являлся одним из его соредакторов, потом мы перестали его по разным причинам издавать. Стал издаваться альманах «АРК». В Казахстане наряду с журналом «Простор» возник альманах «Аполлинарий» еще в 93 году. Интересно не то, что «жизнь продолжается», а что продолжается она в интересных, на мой взгляд, формах, с интересными авторами, с интересным текстом. Иначе это была бы просто суета, суета сует — просто скучно людям, вот они и хотят что-то сделать... и тогда об этом можно не говорить. А я об этом говорю, потому что, например, в том же Казахстане, если говорить о семинаре, который проводился под эгидой объединения «Мусагет» и альманаха «Аполлинарий» — оттуда вышел интересный поэт Ербол Жумагулов, прозаик Михаил Земсков.

Контекст бытования русской литературы на постсоветском пространстве я бы определил рядом факторов. Понятно, хотим мы этого или нет, действует политический фактор. Например, степень свободы слова и свободы печати. Например, два выпуска альманаха «Малый шелковый путь», который мы издавали с Санджаром Янышевым и Вадимом Муратхановым, мы отпечатали в Москве. Четвертый альманах мы уже печатали в Ташкенте, это было одно из условий грантодателя. Нужно было искать гриф, без грифа никто не соглашался печатать. Потом этот альманах сам же грантодатель отнес, как он сказал, не цензуре, а к «опытному человеку». «Опытный человек» прочел и сказал, что не криминально, что альманах не представляет угрозы. Единственно, что он потребовал...

Там были напечатаны стихи киргизского поэта Вячеслава Шаповалова, которые назывались «Кировское водохранилище». «Опытный человек» потребовал «кировское» убрать. Это первое, и второе, мы альманах оформили фотографиями Владимира Жирнова, там еще советская фотография, очень интересная: площади Ленина бывшей, ныне площади Независимости. Там жерла фонтанов как будто гильзы, и вдалеке маленький памятник Ленину. И подпись. Мы знали, что у нас будут проблемы с Лениным. Сказали, центральная площадь города в 70-е годы, на что «опытный человек» сказал, замените на «Центральная площадь города в период тоталитаризма». После всего этого я сказал, что ничего не буду менять, как было, так и есть, так все и осталось.

Я бы сказал, что это еще бархатная ситуация, бывает посложнее. Так что от политики здесь не уйти. Экономический фактор тоже понятен: рынок должен быть. Важно кто печатает, как печатают, кто готов вложить деньги в публикацию. Опять-таки я сам себя хватаю за руку, говорю, ну если есть талантливый автор, он сам свои произведения распечатает на принтере, и если это стихи, если эта проза отличная — она пробьется, как-то сама выйдет, выберется. Я полностью с этим согласен, верю в это, десятки раз в этом убеждался. Бывает, попадает в руки текст, абсолютно не знаю этого автора, не знаю, откуда он... В 2003 году мне в руки впервые попал текст поэта Бориса Херсонского, у которого была только одна публикация, причем, на мой взгляд, не самая сильная. Я просто по этому тексту видел, поэт интересный. Потом он уже стал признанный, и публикуется... Все это понятно, и, тем не менее, как происходит, чем заполнен этот промежуток между автором и читателем, это важно и для автора, и для читателя. Он не должен быть стеной между автором и читателем, а он должен быть хоть и извилистым, но путем текста к читателям.

Вы можете сказать, а, например, «Мастер и Маргарита», какие тут экономические факторы? Во-первых, я не считаю, что эта ситуация нормальная. Я не считаю, когда рукопись лежит десятки лет в столе, это нормально для литературы. А, во-вторых, хотим мы этого или нет, но движение рукописи, текста от автора к читателю, даже если автор помещает его в Интернете... Как читателю найти автора, своего поэта, как поэту найти, автору своего читателя? Поэтому мы и говорим здесь о фондах, о меценатах, о ком угодно.

Но есть еще и собственно литературный фактор — какова эстетика, какова манера? Поскольку я во многом сторонник феноменологии Гуссерля, то до того, как дойти до таких эстетических факторов, нам нужно произвести несколько последовательных редукций. Потому что если мы изначально будем рассматривать литературу как нечто абсолютно внесоциальное, внеполитическое, внеинституциональное, то мы не сможем разгрузить эстетическую оценку от этих факторов, они будут все равно в подсознании сидеть. Хотя бы потому, что мы все учились в советской школе, и всем нам говорили о классовой позиции. И эта традиция оценки текста сидит — по этической, по идейной линии, по ценностной линии, что не так уж сильно различается. Например, движение «Идущие

вместе»... Они по ценностям своим ориентирам не приемлют Владимира Сорокина и сделали прозаику дополнительный пиар, устроив сожжение его книг... Что им не нравится в Сорокине? Ценности им не нравятся в Сорокине. Те ценности, которые автор транслирует через свои тексты. Хотя, на мой взгляд, Сорокин никаких ценностей не транслирует, и это как раз его беда. Для него более значим стиль, нежели некие эстетические и ценностные моменты его текстов. В этом, например, мое несовпадение с этим автором, при том что я осознаю, что это человек безусловно талантливый. Вот поэтому я так долго и так нудно говорю об институтах, не потому что я институционалист, нет, наоборот. Но именно потому, что этот момент нужно вытащить и понять, а что же это такое...

Александр Сергеевич Пушкин писал: «Ты бог: живи один»... Сам Пушкин был не очень состоятельный человек, жил большей частью литературным трудом. Но для поэтов того времени — а это были по большей части аристократы, достаточно состоятельные люди, которые совершенно не нуждались во всей этой земной прозе, — говорить о социальных моментах не имело большого смысла. Сегодня же... не знаю, может быть, аристократы и тайные Корейко среди поэтов и прозаиков есть. Я не встречал. То есть встречал пару состоятельных авторов, но они были не очень интересны как поэты. Я не ставлю здесь прямую зависимость от состоятельности, но это важно.

Опять, почему мы здесь? Почему? Потому что Сергей [то есть Сергей Мазур] смог найти финансирование. Куплен билет из Ташкента в Ригу. Эта та презренная проза, о которой современный литератор на постсоветском пространстве должен думать.

Далее. Во всех республиках происходит, я могу сказать, я вижу это, вымывание диаспоры, старение диаспоры. Очень много сложных для литературы травматических процессов. И здесь чтобы состояться, чтобы выжить, чтобы сохраниться, невозможно без какой-то институционализации литературного свойства...

Хотя мы тоже можем поспорить, что мы понимаем под литературой. Если под литературой понимать совокупность текстов, то, безусловно, разговор об институтах — внелитературного свойства. Я сам под литературой понимаю больше именно совокупность текстов и поставил бы здесь точку, жирную и красивую. Но

вот вопрос, каких текстов? Текстов написанных? Как они у меня в мониторе, да? Или же текстов прочитанных? Перед кем прочитанных? Перед моей бабушкой? (Она очень любит мое творчество...) Или перед некоей аудиторией? Откуда ее взять? Третье — или текстов опубликованных? Где и как? Запущенных в Интернет? Почему бы и нет. Он не требует больших усилий. Опять-таки куда? Здесь можно в «стихиру» (<http://www.stihi.ru/>) отправить, это так же, как запечатать бутылку и пльви. Либо ты отправляешь в журнал или редактируемый сайт. Это другое.

И еще: что для многих поэтов является единицей литературного высказывания? Стихотворение, как правило. И по нему я обычно сужу. Мне достаточно даже половины иногда, даже первой строчки достаточно. «Ах, как прекрасно загорались свечи...», все, я уже дальше не читаю, мне уже все ясно, там обязательно рифма будет — «вечер» и так далее. Но для многих авторов единицей высказывания является цикл. Он не реализуется как поэт, он не может реализоваться в одном стихотворении. Его масштаб — это цикл, почему бы и нет? Кстати, тот же Борис Херсонский — классический пример поэта эпического... Поэт-эпик, его распирает, он должен писать еще. А для многих поэтов, например, единица высказывания — поэтический сборник. Каждое стихотворение — оно как бы может и не очень сильно интересно. Но когда ты читаешь всю книгу... Вот, например, последняя книга, точнее, она первая книга А. Василевского, главного редактора журнала «Новый мир», название не очень удачное, называется «Все равно», так вот до этого я встречаю стихи Андрея Витальевича, не очень нравились, в периодике. А я прочел книгу и могу сказать, что это интересно именно как книга. И вот здесь мы понимаем, что говорить о литературе только как о совокупности текстов мы не можем, потому что — что это за тексты, где эти тексты, как они сформированы? Это важно. Как они прочитаны, как они отправлены читателям? Поэтому я и собственно говорю в своих тезисах может быть, больше, чем это нужно, о литературных институтах, о группах, объединениях, об изданиях.

Еще имена... На Украине сейчас самая интересная русская литература. Там есть авторы, я бы назвал и Александра Кабанова (Киев), и Бориса Херсонского (Одесса), покойная Наталья Хаткина, на мой взгляд, очень интересный поэт, которая недавно скончалась, супруги Дьяченко, прозаики, и так далее.

Стихи, прочитанные Евгением Абдуллаевым на гуманитарных Чтениях

БОРИС ХЕРСОНСКИЙ (УКРАИНА)

В его жизни все складывалось
совершенно великолепно:
его желания угадывались,
просьбы выполнялись,
каждому его достижению
радовались все, ожидая
еще больших свершений.
О его необычайных способностях
говорили в городе,
особенно удачные высказывания
просили повторить.

Воистину прекрасная жизнь.
Жаль, что длилась она
не более пяти лет.

У нас сохраняется фотоснимок
маленького серьезного мальчика
в коротких штанишках и матроске.
На обороте печатными буквами
написано: «Боба! Кац!»

НАТАЛЬЯ ХАТКИНА (УКРАИНА)

* * *

Надо посуду вымыть, а тянет разбить.
Это отчаянье, Господи, а не лень.
Как это тяжко, Господи, век любить,
каждое утро, Господи, каждый день.

Был сквозь окно замерзшее виден рай.
Тусклым моченым яблоком манила зим
Как я тогда просила: «Господи, дай!»
- На, - отвечал, - только будешь нести сама.

АЙГЕРИМ ТАЖИ (КАЗАХСТАН)

* * *

Раскрыли женщины внутреннее оперенье
удивленному миру. Все
замерли в восхищении и прикрыли веки от
счастья. Слепой
птицелов привычно расставил силки и,
опустошая будущее, до
конца жизни плел веер для своей некрасивой
дочери.

ДАЛЬМИРА ТИЛЕПБЕРГЕНОВА
(КЫРГЫЗСТАН)

Пора спать, —
Сказал он
И пальцами придушил огонь
Свечи
Птичья головка пламени
встрепенулась,
Словно моля о пощаде,
И
Погасла.
Что я делаю в чужом доме?

ШАМШАД АБДУЛЛАЕВ
(УЗБЕКИСТАН)

Внизу

Затем заметней расчёсы глин у чагатайских
ворот —
какое там прошлое, эпический голод?
Всего лишь воля мест,
электризующая днем хвалёный мрак
последнего июля,
пускающая корни в чередовании частных
на переднем плане:
столб, сарай, муха,
летающая в черный фокус долгой жары, будто
гонец
только что донес письмо и сразу скачет назад,
к своим,
потный и маленький, через долину, в
которой
мы заперты с пятидесятих годов, но тут ещё
тупик,
пока ветер странствует с книжными
ключьями
и тасует рок далеких романов: просто
пыльная страна — холодок безоконного
дома,
выбеленного до поворота в горное поле,
где ломти змеиных гнёзд валяются, как
выкидьш, в лучах лета.

ВАДИМ МУРАТХАНОВ (УЗБЕКИСТАН)

* * *

Мне легче быть с тобой – недавней,
придуманной на жизнь вперед,
на жизнь короткую, когда в ней
светло и тень твоя берет

мое лицо в ладью ладоней,
покуда кровь твоя и плоть
гремит посудой в чуждом доме,
тревог не в силах побороть,

и видно ей в закрестье рамы,
как тень из отступивших сфер
идет с цветочными дарами
навстречу сквозь пустынный сквер.

АЛИНА ТАЛЫБОВА (АЗЕРБАЙДЖАН)

Ветер

...Он наповал валил дома,
Оправданий не дослушав.
И плясали деревья,
Словно шарики воздушные

В детском кулачке Земли...
И неслись по небу урны,
Светофоры, корабли...
Он срывал кольцо с Сатурна

Как неплотное кашне.
И цеплялись мы за стены
В страхе как бы душу не
Выдуло совсем из тела...

АЛЕКСАНДР КАБАНОВ (УКРАИНА)

* * *

Крыша этого дома — пуленепробиваемая
солома,
а над ней — голубая глина и розовая
земля,
ты вбегаешь на кухню, услышав раскаты
грома,
и тебя встречают люди из горного
хрусталя.

Дребезжат, касаясь друг друга,
прозрачные лица,
каждой гранью сияют отполированные
тела,
старшую женщину зовут Бедная Линза,
потому, что всё преувеличивает и сжигает
дотла.

Достаешь из своих запасов бутылку
“Токая”,
и когда они широко открывают рты –
водишь пальцем по их губам, извлекая
звуки нечеловеческой чистоты.

ИННА КУЛИШОВА (ГРУЗИЯ)

Из монастырских песен

Выходит женщина-сестра,
бросает из ведра
на землю воду, ей с утра
послушник два бидона
принес. Аминь. И не стара,
не молода, она мудрена.

И бьет-ласкает пол и проч.
женщина-дочь,
ей солнце вслед глядит и прочь
уходит, глянув в два бидона.
Любовь ей в ступе не толочь,
внутри горит икона.

А вдалеке война шумна,
и плачет мужняя жена,
сотворена,
шлет Богу два поклона.
А третий выбросит война
на поле небосклона.

Святую воду певчий пьет,
и в алтаре монах поет,
и слышит Бог движенье нот,
и женщина в платке суконном,
в луч обращенная, идет
на тихий свет с амвона.